

«ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА» ПОЛЬШИ: ОТ КОНЦЕПЦИИ «УЛБ» ДО «ВОСТОЧНОГО ПАРТНЕРСТВА»

А.В. Чернова

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

В настоящей статье рассматривается эволюция внешней политики Польши по отношению к ближайшим восточным соседям: независимым и суверенным Украине, Литве и Белоруссии. В польской исторической науке она известна как «восточная политика», а сами эти страны - как «восточные окраины», в отличие от Востока в классическом западном понимании, для обозначения которого принято латинское слово «Ориент». Судьба Польши на протяжении всей ее истории была неразрывно связана с этим регионом, который то входил в состав Речи Посполитой, то выступал в качестве «буферной» территории, а в нынешних очертаниях предстал только после распада СССР и социалистического лагеря. Хотя к сфере польской «восточной политики» принято относить и Россию, очевидно, что природа отношений между Варшавой и Москвой отличается от той, которая была изначально характерна для стран «УЛБ» (Украины, Литвы и Белоруссии). К тому же, после вступления Польши в ЕС сферой ее ответственности в европейской внешней политике стали Украина и Белоруссия, но никак не Россия, за развитие отношений с которой отвечают «старые» члены союза. По этим причинам польско-российские отношения будут рассмотрены здесь в качестве важного фонового компонента, а акцент будет сделан на странах «УЛБ». Из-за тенденции к интеграции польской «восточной политики» в схемы ЕС здесь будет затронута Молдавия, а также Азербайджан, Армения и Грузия, которым, наряду с Украиной и Белоруссией, было предложено принять участие в главной европейской инициативе на этом направлении – программе «Восточное партнерство». По тем же соображениям будут выделены два условных этапа: до и после вступления Варшавы в Евросоюз, которое формально состоялось 1 мая 2004 года.

Ключевые слова: Польша, «Восточная политика», «УЛБ», ЕС, Европейская политика соседства, «Восточное партнерство».

■ Международные отношения

Современная внешняя политика Польши и в особенности ее политика на восточном направлении находится под постоянным воздействием исторического фактора. Основная, но не единственная причина этого состоит в том, что в новое и новейшее время на долю этой страны выпали исключительные исторические испытания, сопровождавшиеся как ограничением суверенитета, так и полной утратой государственности. Некогда могучая Речь Посполитая (федеративное государство Королевства Польского и Великого княжества Литовского) к XVIII в. пришла в упадок и стала жертвой трех территориальных разделов между соседями: австрийскими Габсбургами, Пруссией и Российской империей.

Лишь Первая мировая война, уничтожившая все три участвовавшие в разделе Польши империи, дала жизнь первому за почти полтора века независимому польскому государству. Польская республика или Вторая Речь Посполитая просуществовала ровно до начала Второй мировой войны, когда она сначала подверглась фашистской военной агрессии, а затем ее восточная часть была оккупирована советскими войсками во исполнение секретных протоколов к договору о ненападении между Германией и СССР (пакту Молотова – Риббентропа). После войны польское государство было возрождено в форме Польской Народной Республики, которая надолго стала сателлитом Советского Союза.

История и идеология «восточной политики» Польши

Длительное существование польской нации без независимого государства и безуспешные попытки противостоять диктату великих держав того времени наложили отпечаток на идентичность поляков, предопределив такие ее черты, как обостренную национальную гордость и внимание к вопросам государственности и внешней зависимости. К этому нужно добавить заметный мессианский оттенок, связанный с самоощущением Польши как форпоста западного христианства и всей западной цивилизации на востоке, которому постоянно угрожает опасность. Со времен соперничества за наследие Киевской Руси главным источником этой угрозы виделось московское, а затем российское государство.

Как уже упоминалось, Речь Посполитая на пике своего могущества объединяла помимо поляков и литовцев еще и украинцев и белорусов с их главными центрами – Вильно (Вильнюсом), Гродно, Минском, Киевом, Черниговом и др. Лишь последовательные разделы Польши привели к ускоренному формированию национального самосознания поляков, включая обостренное внимание к своему языку и религии, что, в конце концов, сделало их «врагами всех непольских национальных движений на землях бывшей Речи Посполитой» [3, с. 15]. Каким же образом и в какой степени современной Польше удалось найти выход из обозначенной выше парадигмы: «Россия – это враг, а восточные соседи – сателлиты»?

Для ответа на этот вопрос нужно вернуться в межвоенный период, когда в окружении будущего главы Второй Речи Посполитой Юзефа Пилсудского родилась идея единого федеративного государства на пространстве всей Восточной Европы. Оно было призвано защитить страны-участницы от российского (а заодно и германского) влияния и получило название «Междуморье» из-за своих границ от Адриатического и Черного морей на юге до Балтийского на севере. Этот политико-идеологический проект также известен как «прометеизм» по названию организации «Прометей», созданной по инициативе Польши в Париже в 1926 году и включавшей представителей самых разных национальных движений на территориях тогдашней Советской России.

«Прометеизм» стал практическим воплощением одной из двух концепций, столкнувшихся в идейном пространстве межвоенной Польши, а именно так называемой «ягеллонской» (по названию польской королевской династии, при которой была создана уния с Великим Княжеством Литовским). Ее суть заключалась в «возвращении на восток», на ранее входившие в состав первой Речи Посполитой земли и создании там блока государств, среди которых главное место занимала бы Украина. Реализация этой концепции была призвана надолго отеснить Советскую Россию от восточноевропейских дел и гарантировать молодому польскому государству безопасность со стороны большого соседа.

«Ягеллонской» концепции противостояла так называемая «пястовская», которая призывала воссоздать польское национальное государство по образцу первой королевской династии Пястов. Поскольку это означало территориальные претензии к Германии, контролировавшей многие исконно польские земли, акцент делался на германской, а не на российской угрозе. Выразителем «пястовской» идеи, а заодно и главным идеологом польского национализма, считается Роман Дмовский. Его взгляды были полностью противоположны тому, к чему апеллировал Пилсудский: например, он был далек от восхищения Речью Посполитой и критиковал ее за то, что она так и не смогла создать общей идентичности для всех входивших в нее народов.

В полном соответствии с «ягеллонской» концепцией союзником Второй Речи Посполитой сразу же стала новоиспеченная Украинская Народная Республика, хотя перед этим поляки успели разгромить воинские формирования Западно-Украинской Народной Республики и захватить ее территорию, включая Львов. Польше даже удалось победить Советскую Россию в войне 1920–1921 гг. и вновь заполучить обширные территории к востоку от «линии Керзона», а именно Западную Украину, Западную Белоруссию и часть Литвы с Вильно. Однако о надеждах на дружескую независимую Украину пришлось забыть – большая ее часть перешла под контроль Советов.

Продержавшись в таком виде до самого начала Второй мировой войны, эта восточная граница вошла в польский исторический дискурс как «граница 1939 г.». Однако послевоенные рубежи Польши на востоке вновь вернулись к «линии Керзона», как о том договорились СССР, США и Великобритания на Тегеранской конференции 1943 г. Компенсацию за Западную Украину и Западную Белоруссию Польша получила за счет побежденной Германии, где под ее контроль перешли исторически населенные поляками земли Восточной Пруссии вплоть до рек Одера и Нейсе.

В эпоху ПНР польско-украинские, польско-литовские и польско-белорусские связи развивались исключительно в рамках двусторонних отношений с Советским Союзом, а вместо их сложной исторической подоплеку культивировался миф о товарищеских отношениях между трудящимися этих стран. «Восточная политика» Польши полностью исчерпывалась военно-политическим союзом с СССР, причем сохранение существующей границы с Украиной, Литвой и Белоруссией считалось обязательным для сохранения государства. Поэтому неудивительно, что «ягеллонство» было поставлено властями ПНР вне закона, в то время как «пястовская» концепция национального государства, напротив, стала частью официальной доктрины.

Параллельно с этим попытки переосмыслить «восточную политику» Польши предпринимались в эмигрантской среде, а именно вокруг созданного Ежи Гедройцом издательства «Литературный институт» и журнала «Культура». Редактор «Культуры» был продолжателем идей Юзефа Пилсудского, решительно и последовательно высказывавшимся за примирение поляков с украинцами, белорусами и литовцами и поддержку их государственности. Однако, в отличие от «ягеллонской» концепции, представители «Литературного института» были далеки от реваншизма: акцент делался на необходимости совместного выхода из-под советского влияния и создании равноправных отношений.

Идея о независимых Украине, Литве и Белоруссии как гарантии безопасности и стабильности всей Центрально-Восточной Европы (так называемая концепция «УЛБ») считается самым большим достижением «Культуры». На страницах журнала ее развивал Юлиуш Мерошевский, который открыто выступал против концепции «ягеллонства» как проявления «польского империализма по отношению к украинцам, литовцам и белорусам» [14]. По его мнению, призывы вернуть Вильно и Львов в состав Польши лишали ее важнейших сторонников на восточной границе, независимых Украины, Литвы и Белоруссии, без которых невозможно было построение и подлинно равноправных польско-российских отношений.

Уникальность идей Мерошевского состоит в том, что он по сути предвидел ситуацию, которая сложится в Восточной Европе несколько десяти-

летий спустя, после распада социалистического лагеря и самого СССР. Его видение Польши как суверенного государства средней величины рядом с такими же суверенными Украиной, Литвой и Белоруссией оказалось абсолютно верным, хотя польской эмиграции того времени оно казалось кощунственным. Ведь отказ от возвращения на белорусские, литовские и украинские земли означал не только окончательный разрыв с величием Речи Посполитой, но и утрату «малой родины», откуда были родом многие из представителей польской интеллектуальной элиты.

В конечном счете в среде родившейся в ПНР демократической оппозиции победила именно эта концепция «восточной политики» Польши. Однако, как показало время, такое ее реформированное толкование оказалось далеко не единственным. «Под этой политикой многие общественные силы, зачастую оказывавшие влияние (к счастью, не доминирующее) на властные структуры, понимали скорее «прометеизм». То есть возвращение к теории и практике отношений с Украиной и Белоруссией, популярных в 1920-е – начале 1930-х гг. и основывавшихся на максимальном распространении польского влияния фактически с единственной целью – ослабления влияния российского (советского)» [4, с. 13].

«Восточная политика» Польши до вступления в ЕС

Первым экзаменом для идей «Культуры», легших в основу польской внешней политики, стал приближающийся распад СССР и необходимость установления отношений с новыми восточными соседями – Украиной, Литвой и Белоруссией. Созданное в сентябре 1989 г. первое независимое правительство Тадеуша Мазовецкого поначалу проводило по отношению к ним политику «двухколейности» или «дуализма». Суть этой ставшей нарицательной доктрины заключалась в сохранении отношений с Москвой, в том числе членства в Организации Варшавского договора в качестве «щита перед возрастающей мощью Германии» [16, с. 24], при одновременном развитии двусторонних связей с отдельными союзными республиками.

Постепенно позиция Варшавы стала склоняться к выходу из ОВД и, главное, к выводу советских войск с территории Польши. Этот процесс начался еще при формально существующем СССР в 1991 г., а полностью завершился двумя годами позднее уже в сотрудничестве с Российской Федерацией. Вновь обретя суверенитет, Польша впервые за много лет приступила к формированию самостоятельной внешней политики, которую на начальном этапе можно охарактеризовать как «бегство с Востока на Запад». Поскольку подобная задача стояла и перед другими странами региона, они объединили свои усилия в рамках Вышеградской группы (Венгрия, Польша и Чехословакия).

Руководствуясь знаменитой фразой Ежи Гедройца «чем сильнее будет наша позиция на Востоке, тем больше с нами будут считаться на

■ Международные отношения

Западе» [13, с. 14], Польша постепенно начала действовать и на восточном направлении. Вопрос о границах и о польском национальном меньшинстве, а также острые исторические противоречия, публичное обсуждение которых долгое время было под запретом, создавали насущную базу для развития официальных контактов с Украиной, Литвой и Белоруссией. Однако общая история являлась источником и многих негативных стереотипов, которые оказались на редкость живучи по обе стороны бывшей советско-польской границы.

Так, Литва, которая с самого начала стала двигаться параллельным с Варшавой курсом на вступление в ЕС и НАТО, стала предпринимать шаги, чтобы максимально ассимилировать поляков (например, в отличие от русских, им было сразу предоставлено гражданство), а также потребовала от Польши извинений за «оккупацию» в межвоенный период. Со своей стороны, Варшава стала активно защищать правильное написание польских фамилий в литовских документах и возможность получить образование на польском языке. Поэтому трактат о дружественных отношениях и сотрудничестве между Польшей и Литвой удалось подписать только в 1994 г. (позже, чем со всеми остальными восточными соседями Варшавы).

В отношениях Польши с Белоруссией не было такой сложной исторической подоплеки, зато имелось недовольство миссионерской деятельностью польской католической церкви, а также первоначальный отказ белорусских властей признать существующую границу. Минск в отличие от Москвы и Киева отказался сразу же признать существующую границу с Польшей под предлогом, что Белорусская ССР не подписывала соглашение 1945 года о польско-советской границе. Из-за этого декларация о добрососедстве с Белоруссией была подписана почти на два года позже, чем с Украиной и РСФСР (в их случае это произошло в октябре 1990 года в ходе первого зарубежного турне министра иностранных дел Польши Кшиштофа Скубишевского). Впоследствии отношения охладели еще больше из-за прихода к власти в Белоруссии пророссийского президента Александра Лукашенко и вступления Польши в НАТО. Впрочем, польские исследователи сходятся во мнении, что Белоруссия, в отличие от Украины, с самого начала не являлась приоритетом «восточной политики» Польши, в частности потому, что негласно признавалась российской сферой влияния [10].

Отношения Польши с независимой Украиной выглядели наиболее многообещающими, потому что Киев видел в Варшаве воплощение своей западной альтернативы и проводника в Европу, а та, в свою очередь, считала его своим естественным союзником и гарантией против усиления России. Однако после многообещающего признания независимости Украины (самой первой из всех стран уже на следующий день после референдума 1 декабря 1991 г.) Польша

не смогла оправдать ожидания Киева. В частности, Варшава отклонила предложение Киева о создании фактического военно-политического союза, поскольку была вынуждена в тот период действовать с оглядкой на Москву, чтобы та не стала препятствовать ее вступлению в НАТО [11].

Приход к власти в 1994 г. Леонида Кучмы, имевшего куда более пророссийские взгляды, чем его предшественник Леонид Кравчук, изменил мнение об Украине среди поляков, которые стали видеть в ней страну с разделенным обществом и неопределенным геополитическим вектором. Застой в отношениях удалось преодолеть благодаря новому президенту Польши Александру Квасьневскому, при котором была, наконец, подписана польско-украинская декларация о стратегическом сотрудничестве. Природа отношений двух стран кардинально изменилась: теперь Варшава, укрепив свои позиции на Западе, всячески добивалась сближения с Киевом и поддерживала его европейские амбиции.

Начиная уже с того времени, Польша настойчиво пыталась вписать свою «восточную политику» в контекст расширения ЕС и даже стала первой в истории страной, которая, еще не будучи членом Евросоюза, официально представила предложения, касающиеся его долгосрочной внешней политики. Этот документ под названием «Восточная политика Евросоюза в преддверии расширения ЕС в страны Центральной и Восточной Европы» был подготовлен польским МИД в 2001 г. и представлял собой целостную концепцию отношений с Россией, Украиной, Белоруссией и Молдавией. В частности, в нем говорилось об «историческом вызове, заключающемся в том, чтобы убедить политические элиты и общества стран СНГ в преимуществах от ориентации на сотрудничество с ЕС» [18, с. 8].

Запрос на подобные концепции был связан с тем, что ЕС, находясь на пороге масштабного расширения на восток, начинал все сильнее интересоваться своими будущими соседями (помимо России, это были как раз Украина, Белоруссия и Молдавия). Этот интерес в итоге воплотился в Европейскую политику соседства (ЕПС), объединившую полтора десятка не только восточных, но и южных соседей Евросоюза. Помимо Украины, Белоруссии и Молдавии в Европейскую политику соседства были включены три страны Закавказья: Азербайджан, Армения и Грузия. Аналогичное предложение было сделано и России, но она вполне ожидаемо предпочла строить отношения с Брюсселем на особой основе (договоренность Санкт-Петербургского саммита 2003 года о создании четырех общих пространств: экономического, пространства свободы, безопасности и правосудия, пространства внешней безопасности и пространства научных исследований, образования и культурного сотрудничества). На южном направлении в ЕПС вошли арабские страны Южного Средиземноморья от Марокко до Сирии плюс Израиль.

С каждой из этих стран предполагалось заключить соглашение с планом политических и экономических реформ, в обмен на которые они могли бы рассчитывать на сближение с ЕС. По своей сути это была первая попытка Брюсселя выйти из логики расширения, а именно приближать соседей к своему уровню, не предлагая им перспективы членства.

Таким образом, цели польской «восточной политики» на этом этапе удивительно гармонично совпали с задачами ЕС. Здесь нашлось место и цивилизаторской миссии Польши как носителя демократических и рыночных ценностей, и стремлению обеспечить стабильность и безопасность к востоку от польских границ, и, пусть и завуалированной, конкуренции с Москвой за влияние в регионе. При этом для Варшавы не была секретом недостаточная привлекательность ЕПС и она сразу же начала работать над ее реформированием и расширением для нужд восточных соседей.

От Европейской политики соседства к «Восточному партнерству»

Польша была одной из стран, которые наиболее активно критиковали политику соседства за то, что она ставила знак равенства между постсоветскими республиками Восточной Европы и странами Южного Средиземноморья, более далекими от Евросоюза как географически, так и по своей идентичности. Эту позицию ярко выразил министр иностранных дел Польши Радослав Сикорский, который назвал восточных соседей Евросоюза «европейскими соседями» в отличие от «соседей Европы» на юге [12]. На фоне общего недовольства форматом ЕПС достаточно быстро произошел ее раздел на два направления: южное и восточное.

В 2008 г. по инициативе Франции был создан Средиземноморский союз, включавший не только южных членов ЕПС, но и многих участников ранее запущенного Барселонского процесса (например, Турцию и балканские страны). Вскоре после этого польские власти анонсировали новую программу по отношению к восточным соседям под названием «Восточное партнерство». Ее главное отличие от ЕПС состояло в том, что, помимо двусторонних связей с Евросоюзом, предусматривался и многосторонний формат сотрудничества, который предполагалось сделать максимально простым и направленным на конкретные проекты, чтобы снизить стоимость программы [17].

Главными инструментами «Восточного партнерства» должны были стать индивидуальные соглашения об ассоциации и свободной торговле с Евросоюзом, а также либерализация визового режима (в долгосрочной перспективе – полная отмена виз). Для этого восточным соседям предлагалось проводить реформы и унифицировать свое законодательство с европейскими *acquis communautaire*. Так называемые *acquis* или *acquis communautaire* представляют собой обширный

набор накопленных ЕС правил и предписаний в самых различных сферах, которым должны отвечать страны-претенденты на вступление. Последняя версия *acquis* в ходе переговоров с Хорватией была разбита на 35 глав, начиная со свободного движения товаров и заканчивая финансовым и бюджетным регулированием и институтами. Ключевую роль в программе должен был играть ценностный аспект, а именно то, насколько страны-участницы придерживаются демократических норм, прав человека и других базовых принципов Евросоюза.

Однако как раз ситуация с реформами и демократией у восточных соседей меньше всего устраивает ЕС, несмотря на весь тот оптимизм, который поначалу вызвала у польского и европейского общественного мнения волна «цветных» революций в середине 2000-х гг. Самый яркий пример – это Украина, где быстрый распад «оранжевой коалиции» из-за разногласий между Виктором Ющенко и Юлией Тимошенко помешал Польше добиться форсированного вступления Киева ЕС, а значит и быстрого успеха всей ее «восточной политики».

При постепенно консолидировавшем власть на Украине Викторе Януковиче курс на сближение Украины с Евросоюзом был продолжен в более скромных рамках «Восточного партнерства». Однако подписание уже готового соглашения об ассоциации оказалось надолго отложено из-за требований Киева упомянуть в нем 49 статью Договора Европейского союза, предполагающую право любого европейского государства на членство в ЕС [6], а затем из-за судебного преследования бывшего премьер-министра Юлии Тимошенко и ряда других деятелей украинской оппозиции. По мнению нынешних украинских властей, Юлией Тимошенко превысила свои должностные полномочия, подписав в 2009 году соглашение о поставках российского газа на заведомо невыгодных условиях. Впоследствии Киев сумел добиться скидки на цену природного газа в обмен на продление пребывания российского Черноморского флота в Севастополе (так называемое «Харьковское соглашение», подписанное Д. Медведевым и В. Януковичем в апреле 2010 года). Однако Украина по-прежнему пытается добиться пересмотра цены на «голубое топливо» из РФ, в то время как Москва увязывает такую возможность с ее вступлением в Таможенный союз.

После этого Киев выдержал паузу с выполнением требований Евросоюза вплоть до самого Вильнюсского саммита «Восточного партнерства» 28-29 ноября 2013 г., чтобы наконец объявить о невозможности подписать соглашение об ассоциации из-за высоких экономических рисков и «унизительных» условий предоставления финансовой помощи [7].

Для остальных объектов «восточной политики» Польши была также характерна крайне неоднозначная динамика сотрудничества с ЕС. Например, Молдавия сумела полностью

■ Международные отношения

согласовать текст соглашения об ассоциации и свободной торговле с Евросоюзом и вообще на какое-то время заняла место Украины в качестве главного «отличника» евроинтеграции. Все шло к тому, чтобы это соглашение было подписано на саммите в Вильнюсе, когда в Молдавии неожиданно случился рецидив острого политического кризиса, ранее на три года оставившего ее без президента. В результате вместо подписания соглашения было решено ограничиться парафированием, по официальной версии – из-за сложностей с переводом на все требуемые языки.

После неудач с Украиной и Молдавией в качестве одного из лидеров «Восточного партнерства» стала рассматриваться Армения, которая также сумела продвинуться до стадии парафирования соглашения об ассоциации и свободной торговле. Однако Ереван в последний момент обнулил достигнутые договоренности, объявив о своем стремлении вступить в продвигаемый Москвой Таможенный союз (наряду с Россией, Беларуссией и Казахстаном). И хотя ЕС в целом с пониманием отнесся к выбору Армении, напрямую связав его со сложным геополитическим положением этой страны [2], вопрос о возможности участия сразу в двух интеграционных проектах со своими свободными экономическими зонами вряд ли будет иметь легкое решение.

Второй после Молдавии страной, которая сумела парафировать соглашение об ассоциации с ЕС, стала Грузия. Случайно это или нет, но также испытывавшая проблемы с территориальной целостностью и видящая в своем западном выборе гарантию суверенитета. Богатый нефтью и потому менее нуждающийся в поддержке Азербайджан пока даже не может приступить к обсуждению зоны свободной торговли, потому что не является членом ВТО. К тому же Брюссель систематически обвиняет азербайджанские власти в нарушениях в сфере демократии и прав человека, хотя и не оставляет надежд привлечь Баку к поставкам энергоносителей в обход России.

Что касается отношений ЕС с Беларуссией, то, несмотря на запуск «Восточного партнерства», они продолжили ухудшаться вплоть до усиления санкций и взаимного выдворения послов. Варшава поначалу пыталась развивать если не политические, то экономические и гуманитарные связи с Минском, но после президентских выборов 2010 г., закончившихся разгоном оппозиционной демонстрации и многочисленными арестами, она также прекратила диалог с Минском и потребовала демократизации белорусской политической системы. В ответ белорусские СМИ обвинили Польшу в финансировании белорусской оппозиции, а Александр Лукашенко прямо заявил, что «сценарии» минских беспорядков «писались в Польше и Германии» [5].

Трудности и вызовы «Восточной политики»

Невысокая эффективность «Восточного партнерства» как главного детища современной «восточной политики» Польши естественным

образом порождает обсуждения и критические замечания. Одно из главных направлений критики связано с тем, что идеи Гедройца и Мерошевского, на которых якобы продолжает основываться польская внешнеполитическая концепция, давно перестали состыковываться с реальностью и нуждаются в переосмыслении. Например, больше не существует общего пространства Украины, Литвы и Беларуссии, так как эти страны в последние двадцать лет пошли совершенно разными путями [8].

Помимо доминирования идеалистических и эмоциональных подходов над прагматизмом (в качестве примера приводятся отношения с Минском), критики привычно диагностируют у польской «восточной политики» отсутствие по-настоящему долгосрочной перспективы, а также приверженность историческим стереотипам [11]. Кроме того, проблемы польского меньшинства в Литве и Беларуссии подчеркивают тот факт, что поляки привыкли ощущать себя жертвами в силу своей трагической истории и потому не осознают, что небольшие соседи по региону могут воспринимать их самих как доминирующую и потому угрожающую политическую и культурную силу.

При этом сама польская «восточная политика», несмотря на вступление в ЕС и наличие общего «фарватера» в виде идей Гедройца и Мерошевского, могла существенно меняться в зависимости от правящей партии. Например, внешнеполитическая доктрина братьев Качиньских официально носила название «исторической», а ее восточное направление во многом воспроизводило «ягеллонскую» концепцию в ее изначальном виде. Институционализация польской «восточной политики» в рамках Евросоюза по-настоящему началась лишь после прихода к власти центристской «Гражданской платформы» во главе с Дональдом Туском, которому удалось преодолеть стереотип об «антироссийской» Польше и сделать так, чтобы польские инициативы в отношении Восточной Европы не вызвали отторжения у других членов ЕС.

Передав свою «восточную политику» под эгиду Евросоюза в обмен на его недюжинные дипломатические ресурсы и знаменитую soft power («мягкую силу»), Польша одновременно сделала ее заложником тех трудностей, с которыми в последнее время сталкивается ЕС. Хотя вступление Хорватии свидетельствует о начале преодоления так называемой «усталости от расширения», последние экономические и долгового кризиса еврозоны будут еще долго сказываться на европейских перспективах соседних стран (особенно таких крупных, как Украина). К тому же большинство старых членов Евросоюза, таких как Франция, выступают категорически против дальнейшего расширения на Восток.

Компромиссный вариант, которым стала программа «Восточное партнерство», изначально не мог не вызвать проблем с мотивацией у ее участников, потому что достигнутый ими

■

прогресс по сути никак не влиял на возможность вступления в ЕС. Выгода от участия в зоне свободной торговли – наиболее «осязаемой» преференции в отношениях с Евросоюзом – также является далеко не очевидной из-за низкой конкурентоспособности их товаров, а полная отмена виз со странами ЕС является далекой перспективой. В результате получается ситуация, когда Брюссель в отношениях с восточными соседями придерживается риторики и требований политики расширения, но при этом не предлагает им самой перспективы членства или какой-либо привлекательной альтернативы.

Шансы ЕС в борьбе за симпатии стран «Восточного партнерства» зависят еще и от того, сумеет ли он эффективно способствовать решению замороженных конфликтов на их территории. Это актуально и для Грузии, отказывающейся признавать отделение Абхазии и Южной Осетии, и для Молдавии, вновь испытывающей опасность эскалации конфликта в Приднестровье, и, тем более, для Армении с Азербайджаном с конфликтом вокруг Нагорного Карабаха. Обычная тактика Евросоюза заключается в том, чтобы поощрять любое сотрудничество между сторонами конфликта и создавать для них стимулы, делающие невыгодным сохранение конфронтационного статус-кво [1]. Однако для нее, во-первых, нужно время, а во-вторых, у Брюсселя, особенно по сравнению с Москвой, не хватает реальных рычагов влияния в этих горячих точках.

Заключение

Польша подошла к современному периоду своей истории со сложным багажом в отношениях с восточными соседями, где мозаично сочетались воспоминания об имперском доминировании Речи Посполитой и о последующей зависимости от Российской империи и СССР. Совершить переход от реваншизма к идее равноправного сотрудничества помогли концепции мыслителей-эмигрантов во главе с Ежи Гедройцом, впоследствии положенные в основу польской внешней политики. Однако сначала Польша прошла через период «двухколейности», когда выстраивание отношений с республиками бывшего СССР происходило с оглядкой на Москву из-за отсутствия гарантий национальной безопасности и неопределенной ситуации во всей Восточной и Центральной Европе.

На начальном этапе в отношениях Варшавы с независимыми Киевом, Вильнюсом и Минском существовало множество неизвестных, начиная от исторических противоречий и демаркации границ и заканчивая статусом польского меньшинства. Успешнее всего преодолеть их получилось с Украиной, что, однако, не помогло Польше быстро добиться главной цели своей «восточной политики» – интегрировать эту страну в европейское пространство. А отношения Польши с Литвой вообще стали примером того, насколько живучи исторические стереотипы и насколько негативное влияние они могут иметь на отношения даже близких стран, выбравших общий курс европейской и евроатлантической интеграции.

Вступление в НАТО и запуск переговоров о членстве в ЕС позволили Польше проводить более смелую и амбициозную (хотя и не обязательно – более успешную) «восточную политику». Будучи глубоко идеологической по своей сути, она удачно легла на ценностную основу внешней политики Евросоюза, но весьма быстро столкнулась с полным отсутствием у Брюсселя аппетита к дальнейшему расширению. Самое большее, чего смогла добиться Польша – это выделение для восточных соседей особого направления ЕПС, которое, тем не менее, привело к усилению соперничества с Россией. Тем самым, у постсоветских стран появился простор для геополитического маневра, особенно актуальный в свете того, что проведение рыночных и демократических реформ по стандартам ЕС несет им немалые издержки вплоть до угрозы позициям элит и самой политической стабильности.

С этим связан, возможно, главный урок польской «восточной политики» за последние двадцать лет, который заключается в том, что ее успех в конечном счете зависит от проевропейского настроения элит и обществ в самих этих странах – того, на что не только Польша, но и весь ЕС могут оказать лишь весьма ограниченное влияние. А это значит, что политика Польши в отношении восточных соседей останется задачей со многими неизвестными, для решения которой Варшаве будет не обойтись без прагматичных, деидеологизированных подходов, особенно в свете стремительно меняющихся реалий в этой части постсоветского пространства.

Список литературы

1. Болгова И. Восточная политика Европейского Союза: противоречия развития // Восточная Европа. Перспективы. 2011. № 1. С. 17-29.
2. «Евросоюз не откажется от Армении даже в составе Таможенного союза - Штефан Фюле» // интернет-сайт информационного агентства Regnum, 14.09.2013. URL: <http://www.regnum.ru/news/1707623.html> (Дата обращения: 3.12.2013)
3. Tymowski M., Kieniewicz J., Holzer J. Historia Polski. Warszawa, Editions Spotkania. 1990. 381 s. (росс. изд.: Кеневич Я., Тымовский М., Хольцер Е. История Польши. М.: Весь мир, 2004. 544 с.)
4. Мальгин А.В. Россия и Польша: сквозь призму «восточной политики» Евросоюза // Восточная Европа. Перспективы. 2011. № 2. С. 6-19.

■ Международные отношения

---

5. «Программы по свержению конституционного строя в Беларуси писались в Польше и Германии – Лукашенко» // интернет-сайт информационного агентства «Интерфакс – Запад», 20.01.2011. URL: <http://www.interfax.by/news/belarus/86435> (Дата обращения: 3.12.2013)
6. Сидоренко С. Отдаленная ассоциация // интернет-сайт газеты Коммерсантъ-Украина, №173, 25.10.2011. URL: <http://www.kommersant.ua/doc/1802572> (Дата обращения: 3.12.2013)
7. «Янукович об условиях финансовой поддержки ЕС: не надо нас так унижать» // интернет-сайт информационного агентства «РИА Новости», 26.11.2013. URL: <http://ria.ru/world/20131126/979910985.html> (Дата обращения: 3.12.2013)
8. Brzezinski A. Doktryna ULB – koncepcja Giedroycia i Mieroszewskiego w XXI wieku // Nowa Europa Wschodnia, 10.06.2010. URL: http://www.new.org.pl/2010-06-10,abdoktryna_ulb_koncepcja_giedroycia_i_mieroszewskiego_w_xxi_wieku.html (Дата обращения: 3.12.2013)
9. Eastern Partnership: the Opening Report / Ed. by M. Gniazdowski, B. Wojna. The Polish Institute of International Affairs. Warsaw. 2009. Available at: http://www.pism.pl/zalaczniki/Report_EP_2009_eng.pdf (Дата обращения: 3.12.2013)
10. Fedorowicz K. Białorus i Polska dwadzieścia lat w stosunkach międzynarodowych: stan obecny i perspektywy // Co po ULB? Polityka wschodnia Polski wobec sąsiadów w nowych uwarunkowaniach. Redakcja Gil A. Rocznik Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej. Rok 10 (2012). Zeszyt 1. Lublin, 2012. S. 71-90.
11. Fedorowicz K. Polityka Polski wobec Rosji, Ukrainy i Białorusi w latach 1989-2010. Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza. Poznań, 2011. 344 s.
12. Goldirova R. 'Eastern Partnership' could lead to enlargement, Poland says // EUObserver, May 27, 2008. Available at: <http://euobserver.com/24/26211> (Дата обращения: 3.12.2013)
13. Hofman I. Koncepcja wschodnia paryskiej "Kultury" po transformacji ustrojowej w Europie Wschodniej // Co po ULB? Polityka wschodnia Polski wobec sąsiadów w nowych uwarunkowaniach. Redakcja Gil A. Rocznik Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej. Rok 10 (2012). Zeszyt 1. Lublin, 2012. S. 9-24.
14. Koprowski M. ULB czyli „Kultura” i Mieroszewski, 12.05.2008. Available at: <http://www.kresy.pl/publicystyka?zobacz/ulb-czyli-kultura-i-mieroszewski> (Дата обращения: 3.12.2013)
15. Marzeda K. Pozycja geopolityczna Polski po 1989 roku // Polityka wschodnia Polski: Uwarunkowania. Koncepcje. Realizacja. Redakcja Gil A., Kapusniak T. Instytut Europy Środkowo – Wschodniej, Lublin – Warszawa, 2009. S. 55-66.
16. Mroz M. Historyczne uwarunkowania polityki wschodniej III RP // Polityka wschodnia Polski: Uwarunkowania. Koncepcje. Realizacja. Redakcja Gil A., Kapusniak T. Instytut Europy Środkowo – Wschodniej, Lublin – Warszawa, 2009. S. 15-34.
17. Polish-Swedish Proposal: Eastern Partnership. June 2008 / EU Neighbourhood Library. An ENPI Project. Available at: <http://www.enpi-info.eu/library/content/polish-swedish-proposal-eastern-partnership> (Дата обращения: 3.12.2013)
18. The Eastern Policy of the European Union in the run-up to the EU's enlargement to include the countries of Central and Eastern Europe - Poland's viewpoint (official non-paper). Polish Ministry of Foreign Affairs, Warsaw, 2001. 31 p.

Об авторе

Чернова Анна Валерьевна – соискатель степени кандидата политических наук по кафедре международных отношений и внешней политики России МГИМО(У) МИД России. E-mail: anya.chernova@gmail.com

**POLAND'S "EASTERN POLICY": FROM "UKRAINE, LITHUANIA, BELARUS"
TO THE «EASTERN PARTNERSHIP»**

A.V. Chernova

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The article deals with the evolution of Poland's foreign policy towards its closest eastern neighbours: independent Ukraine, Lithuania and Belarus. It's commonly referred to in the Polish historical science as the "Eastern Policy" and the countries themselves as the "Eastern outskirts" as opposed to the classical western understanding of "the East", for which the Latin word "Orient" is used. Throughout Poland's history this region was of a prominent role, at times being a part of the Polish-Lithuanian Commonwealth and at other times some kind of a "no-man's land", while taking its current shape only after the USSR and the Eastern block collapse. Though Russia is often considered to be a part of Poland's "Eastern Policy", the difference is clear in the nature of relationship between Warsaw and Moscow and that of the "ULB" (Ukraine, Lithuania and Belarus). In addition, Poland's area of responsibility as an EU member included Ukraine and Belarus rather than Russia, which predominantly remained a priority of the "old" EU member states. Therefore the Russian-Polish relations figure here as a background, while the focus is on the "ULB" states. Increasing integration of the Polish "Eastern Policy" into the EU's framework necessitated touching upon Moldova as well as Armenia, Azerbaijan and Georgia, which were invited along with Ukraine and Belarus to participate in a major European initiative – the "Eastern Partnership". For the same reason two phases were outlined: before and after Poland's accession to the EU which formally took place on 1st of May, 2004.*

Key words: Poland, "Eastern policy", "ULB", EU, European Neighbourhood Policy, "Eastern partnership".

References

1. Bolgova I. Vostochnaja politika Evropejskogo Sojuza: protivorechija razvitija [European Union's Eastern policy: contradictions of development]. Vostochnaja Evropa. Perspektivy [Eastern Europe. Perspectives]. 2011. № 1. P. 17-29.
2. "Evrosojuz ne otkazhetsja ot Armenii dazhe v sostave Tamozhennogo sojuza - Shtefan Fjule" [EU won't turn Armenia down even if in the Custom Union]. "Regnum" news agency web-site, 14.09.2013. Available at: <http://www.regnum.ru/news/1707623.html> (Accessed 3 December 2013)
3. Tymowski M., Kieniewicz J., Holzer J. Historia Polski [The history of Poland]. Warszawa, Editions Spotkania. 1990. 381 p. (Russ. ed.: Kenevich Ya., Tymovskiy M., Holtser E. Istoriya Polshi [The history of Poland]. Moscow, Ves' mir, 2004. 544 p.)
4. Malgin A.V. Rossija i Pol'sha: skvoz' prizmu "vostochnoj politiki" Evrosojuza [Russia and Poland: through the EU's "Eastern policy" perspective]. Vostochnaja Evropa. Perspektivy [Eastern Europe. Perspectives]. 2011. № 2. P. 6-19.
5. "Programmy po sverzheniju konstitucionnogo stroja v Belarusi pisalis' v Pol'she i Germanii – Lukashenko" [Programs of the Belarusian constitutional order overthrow were written in Poland and Germany - Lukashenko]. "Interfaks – Zapad" [Interfax - West] news agency web-site, 20.01.2011. Available at: <http://www.interfax.by/news/belarus/86435> (Accessed 3 December 2013)

■ **Международные отношения**

---

6. Sidorenko S. Otdalennaja asociacija [A remote association]. "Kommersant-Ukraina" [Kommersant-Ukraine] newspaper web-site, №173, 25.10.2011. Available at: <http://www.kommersant.ua/doc/1802572> (Accessed 3 December 2013)
7. "Janukovich ob uslovijah finansovoj podderzhki ES: ne nado nas tak unizhat'" [Yanukovich on EU's financial help conditionality: you needn't humiliate us]. "RIA Novosti" news agency web-site, 26.11.2013. Available at: <http://ria.ru/world/20131126/979910985.html> (Accessed 3 December 2013)
8. Brzeziecki A. Doktryna ULB – koncepcja Giedroycia i Mieroszewskiego w XXI wieku [ULB doctrine – the concept of Giedroyc and Mieroszewski in the XXI century]. Web-site of "Nowa Europa Wschodnia" [New Eastern Europe] magazine, 10.06.2010. Available at: http://www.new.org.pl/2010-06-10,abdoktryna_ulb_koncepcja_giedroycia_i_mieroszewskiego_w_xxi_wieku.html (Accessed 3 December 2013)
9. Eastern Partnership: the Opening Report. Ed. by M. Gniazdowski, B. Wojna. The Polish Institute of International Affairs. Warsaw. 2009. Available at: http://www.pism.pl/zalaczniki/Report_EP_2009_eng.pdf (Accessed 3 December 2013)
10. Fedorowicz K. Bialorus i Polska dwadziescia lat w stosunkach miedzynarodowych: stan obecny i perspektywy [Poland's twenty years in international relations: current status and perspectives]. Co po ULB? Polityka wschodnia Polski wobec sasiadow w nowych uwarunkowaniach [What after ULB? Poland's Eastern policy towards neighbors in the new conditions]. Ed. by Gil A. Rocznik Instytutu Europy Srodkowo-Wschodniej [Yearbook of the Institute of Central and Eastern Europe]. Year 10 (2012). No. 1. Lublin, 2012. P. 71-90.
11. Fedorowicz K. Polityka Polski wobec Rosji, Ukrainy i Bialorusi w latach 1989-2010 [Poland's policy towards Russia, Ukraine and Belarus in the years 1989-2010]. Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza [Scientific Publ. of Adam Mickiewicz University]. Poznan, 2011. 344 p.
12. Goldirova R. 'Eastern Partnership' could lead to enlargement, Poland says. EUObserver, May 27, 2008. Available at: <http://euobserver.com/24/26211> (Accessed 3 December 2013)
13. Hofman I. Koncepcja wschodnia paryskiej "Kultury" po transformacji ustrojowej w Europie Wschodniej [The eastern concept of the Parisian "Kultura" after the political transformation in Eastern Europe]. Co po ULB? Polityka wschodnia Polski wobec sasiadow w nowych uwarunkowaniach [What after ULB? Poland's Eastern policy towards neighbors in the new conditions]. Ed. by Gil A. Rocznik Instytutu Europy Srodkowo-Wschodniej [Yearbook of the Institute of Central and Eastern Europe]. Year 10 (2012). No. 1. Lublin, 2012. P. 9-24.
14. Koprowski M. ULB czyli „Kultura” i Mieroszewski [ULB or "Kultura" and Mieroszewski], 12.05.2008. Available at: <http://www.kresy.pl/publicystyka?zobacz/ulb-czyli-kultura-i-mieroszewski> (Accessed 3 December 2013)
15. Marzeda K. Pozycja geopolityczna Polski po 1989 roku [Polish geopolitical position after 1989]. Polityka wschodnia Polski: Uwarunkowania. Koncepcje. Realizacja. [Polish Eastern policy: Conditions. Concepts. Implementation] Ed. by Gil A., Kapusniak T. Instytut Europy Srodkowo – Wschodniej [Institute of East - Central Europe], Lublin – Warsaw, 2009. P. 55-66.
16. Mroz M. Historyczne uwarunkowania polityki wschodniej III RP [Historical conditions of the Eastern policy of the Third Republic]. Polityka wschodnia Polski: Uwarunkowania. Koncepcje. Realizacja. [Polish Eastern Policy: Conditions. Concepts. Implementation] Ed. by Gil A., Kapusniak T. Instytut Europy Srodkowo – Wschodniej [Institute of East - Central Europe], Lublin – Warsaw, 2009. P. 15-34.
17. Polish-Swedish Proposal: Eastern Partnership. June 2008. EU Neighbourhood Library. An ENPI Project. Available at: <http://www.enpi-info.eu/library/content/polish-swedish-proposal-eastern-partnership> (Accessed 3 December 2013)
18. The Eastern Policy of the European Union in the run-up to the EU's enlargement to include the countries of Central and Eastern Europe - Poland's viewpoint (official non-paper). Polish Ministry of Foreign Affairs, Warsaw, 2001. 31 p.

About the author

Anna V. Chernova – candidate for a degree of Ph.D. in Political Science, Department of International Relations and Russia's Foreign Policy at MGIMO-University. E-mail: anya.chernova@gmail.com

---